

Ю. ГАГЛОЙТИ

(ЦСАИ ВНЦ РАН, Владикавказ)

О СОЦИАЛЬНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ НАРТОВСКОГО ЭПОСА

Одним из показателей происхождения и этнической принадлежности первоначального ядра нартвовского эпоса и территории его формирования, является, несомненно, ономастика кавказского эпоса о нартах. Наряду с историко-этнографической основой, лежащей в основе большинства общих сюжетов и циклов национальных версий «Нартиады», именно ономастика эпоса, в первую очередь – антропонимика, этнонимика, а также общие названия наиболее важных терминов социально-экономического или политического характера решает, в конечном счете, и наиболее дискутируемый в нартоведении вопрос о генезисе и формировании нартвовского эпоса и его первоначального ядра.

К числу указанных выше разделов ономастики не в последнюю очередь относится социальная терминология нартвовских сказаний, наиболее полно представленная в нартвовском эпосе осетин. В нартвовских сказаниях осетин нартвовский социум предстает как строго структурированное общество, состоявшее из трех органически соединенных между собой подразделений – военной аристократии, Ахсартаггата, жреческой прослойки, Алагата, и основной массы рядовых нартов, представленных родом Бората, олицетворявших собой производительную основу общества, скотоводов и земледельцев. В этом отношении трехфункциональное деление нартов полностью соответствовало аналогичному делению скифского общества, состоявшего из трех тесно связанных между собой социальных групп. В большинстве сказаний эта структура значится как *Æртæ Нарты* «три нартвовских рода».

В подавляющем большинстве осетинских нартвовских сказаний виднейшие представители ведущего нартвовского рода Ахсартаггата, как правило, обозначаются термином *хъалтæ* «гордецы». Наиболее четко и последовательно это прослеживается в цикле сказаний о Сырдоне, злом гении нартов, по образному определению В. И. Абаева. Так, в сказании «Урызмæг, Хæмыц и Созырыхъо» Сырдон, обращаясь непосредственно к Ахсартаггата,

пригласившими его с собой в поход, использует исключительно сочетание *Нарты хьалтæ* «нартовские гордецы»: «Чтоб разрушалась ваша сила, нартовские гордецы (*нарты хьалтæ*)»; «Куда вы делись, нартовские гордецы (*хьалтæ*)» (НК, Т. 4, с. 22–23). Аналогичную картину мы видим и в сказании «Поход нартовских гордецов (*хьалтæ*) и Сырдона»: «Нартовские *гордецы* обрезали губы у коня Сырдона...»; «Нартовские *гордецы* смеются над Сырдоном». Когда ведущие нарты попали в плен к великанам и оказались пригвождены к скамьям, то, «великаны стали выбирать из *нартовских гордецов* наиболее упитанных»; «Сырдон выпил горячую воду под прилипшими к скамейкам нартовских *гордецов*». Поднялись нарты *гордецы* со скамеек, оставив на них куски кожи со своих ляжек (НК, Т. 4, с. 26–27).

Сочетание «*Нарты хьалтæ*» (Нартовские гордецы) встречается и в других сказаниях, в которых оно также относится к нартовской элите. Так, в одном из сказаний популярного в эпосе сюжета о взаимоотношениях Сослана (Созырыхъо) с Ацæтæ родители, обращаясь к новорожденному Алымбегу (в других вариантах – Тотразу), сокрушаются по поводу того, что «нартовские *гордецы*» – (*Нарты хьалтæ*) вновь заставляют их принять участие в своеобразных «играх». Отказ от этих игр грозил печальными последствиями (НК, Т. 5, с. 181). Эти же сочетания встречаются и в поэтической обработке нартовских сказаний Ал. Кубалты как в оригинале, так и в русском переводе: «Дзырдтой иу (нартæн) сæ *хьалтæ*, хьæрæй; æз нартæн сæ *хьалты* кæд фенин; Нарты *гордые* кричали; не могу сносить насмешек нартов *гордых*...» (Кьубалты, 1978, с. 56–57, 59–60, 74–75, 76).

Наряду с обозначением «*Нарты хьалтæ*» нартовская элита в лице Ахсартаггатаæ в сказаниях довольно часто называется также именем нартов – Нарт, преимущественно, и Нартæ. В связи с этим обращает на себя внимание, что обозначение именем нартов внутри нартовского социума с его трехчастной структурой исключительно представителей руководящего рода практически встречается в тех же сказаниях, в которых встречается и номинация *нарты хьалтæ* «нартовские гордецы». Для примера приведем сказание *Нарты балц* – «Поход нартов» из цикла Сырдона, где говорится о походе Ахсартаггатаæ, на который они пригласили и Сырдона: «Нарт æрымбырдысты...» (Нарты собрались...); «Уæртæ Нарт балцы цæуынц» (Вон Нарты идут в поход...); Нарт æнхъæлмæ кæсынц. (Нарты ждут); «...Мах стæм Нарт...» (Мы - Нарты); «Сырдон... дзуры Нартмæ...» (Сырдон... говорит нартам); «Нарт загътой...» (Нарты сказали); Сырдон фосы «Нартмæ ныттырдта. Нарт та цæттæ фос се хсæн бауæрстой» (Сырдон «пригнал скот к нартам, нарты же, поделили скот между собой) – (НК, Т. 4, с. 92–95). Примеры эти далеко не единичны.

Не подлежит сомнению, что имя нартов, Нарт и Нартæ, служит в сказаниях общим названием Нартовского общества и нартов в лице трех нартовских

родов в целом (Æртæ Нарты). На этом фоне обозначение внутри социума именем нартов исключительно род Ахсартаггата требует естественно своего объяснения. Оно заключается прежде всего в том, что подтверждает уже высказывавшееся в нартоведении мнение о том, что, во-первых, внутри трех нартовских родов истинными нартами являются именно Ахсартаггатаэ олицетворявшие собой военную аристократию нартовского социума. Во-вторых, данный факт равноценен доказательству аутентичности традиционной этимологии имени нартов как «воинов, рыцарей». При этом всегда легко можно определить, относится имя нартов к трем нартовским родам (Нартон адаэм, Нарт, Нартæ) в целом или исключительно к правящему роду Ахсартаггата.

Наряду с номинациями *нарты хьалтæ* и *нарт*, ясно указывающими на высокий социальный статус или обозначаемыми, в нартовских сказаниях довольно часто встречается и наименование *гуыппырсартаэ* (дигор. «гуппургинтæ»). Как правило, это наименование прилагается к представителям правящего клана. К примеру, в сказании «Как Батраз спас Уырызмага» говорится: «Гуыппырсары (рода) Ахсартаггата ушли в поход. В селении остался только старый Уырызмаг. Долго не возвращались нартовские гуыппырсары» (НК, Т. 3, с. 103). Встречается оно практически в тех же сказаниях, что и вышеупомянутые *нарты хьалтæ* или *нарт*, являясь фактически их синонимами. Особенно ярко это проявляется в цикле сказаний о Сырдоне, преимущественно в вариантах весьма популярного как в указанном цикле, так и в нартовских сказаниях в целом, в сюжете об участии Сырдона в одном из походов (балцов) представителей Ахсартаггатаэ.

Весьма показательно в этой связи, что круг этих сказаний объединяется под общим названием «Поход (балц) Сырдона и нартовских гуыппырсаров» (НК, Т. 4, с. 20), в первом из которых в роли нартовских гуппургинов, как правило, выступают те же Урузмаг, Сослан и Хамыц (НК, Т. 3, с. 151). В одном из дигорских вариантов говорится, что как-то «нартовские гуппургины – Хамиц, Урузмаг и Сослан замыслили пойти в поход за добычей» (НК, Т. 4, с. 69). В другом варианте, в рассказе о собрании нартов, на «Большом Ныхасе верхних нартов», нарты в конце рассказа названы гуппургинами (НК, Т. 4, с. 235, 236). В некоторых дигорских сказаниях нартовские гуппырсары Уырызмаг, Хамыц и Созырыхъо одновременно называются как «нарты хьалтæ», так и просто *нартами* (нарт) (НК, Т. 4, с. 20–26). В одном из сказаний о Сырдоне говорится, что в один из праздников Сырдон пригласил к себе «нартовских старейшин-гуыппырсаров», которые затем упоминаются просто как *нарты* (НК, Т. 4, с. 258–259). Примеры эти не единичны. В некоторых сказаниях упоминаются также некие *егуппыртаэ* (егуппыры), имя которых возможно является искаженным вариантом имени тех же гуыппырсаров (НК, Т. 4, с. 155, 549–550, 552).

В отличие от названий «нарты хьалтæ» и «нарт» (нартские гордецы и нарты), имеющих четкую социальную семантику, термин «гуыппырсаер» явно связан с какой-то физической особенностью его носителей. Об этом ясно свидетельствует, в частности, наличие в конце этого термина слова *саер* «голова», определением к которому служит *гуыппыр*. В. И. Абаев отмечает семантическую идентичность этого термина с «вожаками Нартов» и нартовскими «тузами, т.е. в конечном счете – с Ахсартаггата, своего рода «шишками» нартов. Что касается первой части этого слова, то «она входит в группу слов со значением *выпуклый*, выдающийся и пр.» (ИЭС, Т. 1, с. 531). В «Толковом словаре осетинского языка» оба этих слова характеризуются также, как «могучий, видный, знатный» (Т. 2, с. 207–208).

Эти определения, бесспорно верные семантически, тем не менее, не могут считаться безупречными с точки зрения их этимологии. Несмотря на это, имеющиеся в нашем распоряжении сведения письменных источников дают на наш взгляд, хорошую возможность для решения вопроса о происхождении этой важной номинации нартовского эпоса, независимо от ее точной этимологии. По-русски это название можно условно переводить как «шишкоголовые», указывающее на их высокое социальное положение.

Нам уже приходилось обращать внимание на одно любопытное сообщение латинского автора II в.н.э. Зенобия о том, что сираки, одно из сармато-аланских племен, дают царский венец «самому рослому или по словам некоторых, имеющих самую длинную голову» (выдел. нами – Ю. Г.). Исходя из этого, я высказал тогда предположение о том, что данное сообщение свидетельствует о бытовании у сираков обычая деформации черепа – «обычая, получившего несколько позднее столь широкое распространение у алан» (Гаглойти, 1962, с. 88). Вряд ли надо особо доказывать, что в этом отношении сираки не могли быть исключением среди родственных им сармато-аланских племен (иазигов, аорсов, роксолан, алан арсов), это хорошо подтверждается данными археологии. Согласно этим данным, обычай искусственной деформации черепов был широко распространен в период поздней античности и раннего средневековья на обширных пространствах Евразии, в том числе и у сарматов.

Вышеизложенный материал, на наш взгляд дает полное основание полагать, что термин *гуыппырсаер* (*гуппургин*) в нартском эпосе является отражением обычая искусственной деформации черепа у сармато-аланских племен. На это в частности, указывает и сама семантика этого термина, ясно указывающая на какую-то особенность строения головы у носителей этого названия, *гуыппыр*, определяющего эту особенность. Об этом же свидетельствует и суффикс *-гин*, сохранившийся в дигорском *гуппургин*, идентичный иронскому *-джын* и указывающий на «на содержание чего-либо

или обладание чем-либо» (АБАЕВ, 1962, с. 611). К большому сожалению, этимология самого определения «гуппыр» в рассматриваемом названии остается пока не совсем проясненной.

Наряду с номинациями «нарты хьалтæ» и «гуыппырсаертæ» применительно к Ахсартаггатаæ в нартовских сказаниях осетин периодически встречаются и другие определения. Эта, к примеру, лучшие мужи нартов, нартовская знать или знатные, нартовские воины (хæстонтæ), князья наши, богатыри (богалтæ), виднейшие из нартов и т.д. Но эти названия, особенно по сравнению с уже рассмотренными выше названиями «нарты хьалтæ» и «гуыппырсаертæ» настолько малочисленны и не характерны для сказаний в целом, что не дают оснований для выделения какого-то из них в особую категорию. Но они важны в том отношении, что практически все они относятся к нартам Ахсартаггатаæ, лишний раз, подтверждая тем самым руководящую роль этой фамилии (клана) в нартовском социуме.

Из числа рассмотренных выше терминов для характеристики и выяснения социальной структуры нартов особое значение приобретает название «нарты хьалтæ». Заключается оно в первую очередь в том, что данная номинация имеет и персонифицированный характер в форме термина *схъал*, фонетически и семантически идентичный термину *хьал* одно из основных значений которого также является определение «гордый». В нартовских сказаниях осетин это определение, подобно вышеприведенным определениям, также прилагается исключительно к представителям рода Ахсартаггата. Встречается оно исключительно в вариантах сказания «О борьбе между нартами (Ахсартаггата) и Бората», одного из древнейших и популярнейших сюжетов осетинского нартовского эпоса. Из этого следует, что термин *схъал* является персонифицированным обозначением тех же представителей рода Ахсартаггатаæ, общим названием которых служит номинация *хьалтæ*, в обоих случаях обозначающая «гордецы». Следует отметить, что в этих сказаниях термин *хьалтæ* «гордецы», в зависимости от контекста и отношения к представителям правящей фамилии Ахсартаггатаæ, зачастую приобретает самые различные оттенки семантического характера – от иронии и сарказма до восхищения и поклонения. Однако в целом, термин *хьалтæ* носит ясно выраженный социальный характер, четко указывающий на ведущую роль носителей этого термина о триедином нартовском социуме. Ни в одной из национальных версий нартовского эпоса данный термин не фиксируется.

Обозначение термином *хьалтæ* представителей ведущего рода нартов, его военной аристократии, четко прослеживается не только на основании сравнительного анализа содержания отдельных сказаний. Оно четко проявляется и по данным отдельных сказаний, преимущественно из цикла взаимоотношений Сырдона с нартовской верхушкой. Так, в одном из вари-

антов популярного в осетинском эпосе сюжета о спасении Сырдоном попавших в плен к великанам верхушки Ахсартаггатаэ, именуемых *нарты хьалтæ* «нартовские гордецы», происходит следующая сцена. В ответ на приглашения великанов зайти к ним в дом, где нарты оказались пригвожденными к стульям, обмазанными специальным клеем, Сырдон отказывается от такого «приглашения», ссылаясь на то, что ему рядом с ними нельзя садиться, поскольку они «являются его князьями (ме лдæрттæ сты) – (НК, Т. 4, с. 23). В этом же сказании номинации нартовские *гордецы (ххалтæ)*, князя (*æлдæрттæ*) и нарты (*Æгас Нарт*) идентичны между собой. Данное сказание было записано одним из лучших знатоков и собирателей осетинского нартовского эпоса Губади Дзагурти (НК, Т. 4, с. 458).

В одном из сказаний этого цикла встречается также сочетание *уæздан, æхсин лаг* «знатный господин», применительно к нартам Ахсартаггатаэ. Сырдон отказываясь принять стул, ссылается на то, что он не является ни *уазданом*, ни *хсин лаг*’ом, чтобы сесть рядом с ними (НК, Т. 4, с. 77). Как социальный термин, *æхсин* «госпожа» обычно «соотносится с *алдар* «князь» (Абаев, ИЭС, IV, с. 230). Обозначение ведущих нартов названием «князей «æлдæрттæ» встречается и в других сказаниях этого цикла (НК, Т. 4, с. 29; с. 62, 74, 93, 114). В некоторых вариантах этого же цикла встречается также как прямое упоминание фамилии Ахсартаггата в качестве синонима «нарты хьалтæ», как в дигорском сказании «Происшествие с нартскими охотниками» (*Æхсæртæггаты уонаæхсартæ* «богатыри Ахсартаговых) или как старшие нарты, наиболее выдающиеся – Оразмаг, Хамыц, Сослан» – (НК, Т. 4, с. 96, 115).

Одним из таких имен, встречающихся в наиболее ранних публикациях 20-х годов прошлого столетия, является номинация Скал-Бесон (в оригинале: *Sgæl-Beson*), означающий буквально «гордый Бесон» (ПНТО, I, с. 81, 86). Этот эпизодический персонаж встречается только в одном из вариантов популярного в осетинских сказаниях сюжета о войне между двумя ведущими нартовскими фамилиями – *Æхсæртæггатаэ* и *Боратаэ*. Этот сюжет, судя по содержанию его основных вариантов, явно принадлежит к числу древнейших.

Об этом свидетельствует, в частности упоминаемый в рассматриваемом варианте факт поголовного уничтожения принадлежащих к побежденной фамилии лиц, за исключением жителей «квартала кузнецов» (куырды «сых», с. 86–87). Кузнечное дело, как одно из древнейших профессий вообще, пользовалось особым почетом, судя по месту, которое в осетинской мифологии занимает божество кузнечного ремесла, один из виднейших и популярнейших представителей осетинского пантеона – *Курдалагон (Куырда Алæгон)*, кузнец из рода *Алæгатаэ*, рода «умных» нартовского триединого социума. В связи с этим обращает на себя внимание, что в осетинском языке только кузнечное ремесло имеет старое, неразложимое наиме-

нование, тогда как остальные зовутся описательно (АБАЕВ. ОАФ. I, с. 65). Интересно, что по представлениям осетинских сказителей, раньше Курдалагон был нартом, о чем в частности ясно свидетельствует и его фамильная принадлежность – *Алаэгон*, который поднялся до уровня божества, благодаря «своему искусству в кузнечном деле» (Кубалов, 1978, с. 174, пр. 24).

Следующее нартовское имя с эпитетом *схъæл* «гордый», которое также является составным, фигурирующим в публикации как *Æсхъæлвæрæз*, встречается в сказании «Кровники Ахсæртæггатаэ и Борадзатаэ» (НК, Т. 5, 2010, с. 477–480). В этом варианте редко упоминаемые в эпосе Борадзатаэ выступают в роли Бората, традиционной формы имени этой нартовской фамилии. В этом варианте, носитель имени *Æсхъæвæрæз*, легко разложимое на *Æсхъæл* (*Схъæл*) *Вæрæз* «гордый Вараз», как и Схъæл Бесон принадлежит к роду Ахсартаггатаэ и является зятем Борадзевых, идентичных Боравым. Вариантом имени *Æсхъæлвæрæз* (*Æсхæл Вæрæз*) является и встречающееся в сказании «Как Уырызмаг убил своего зятя» форма *Ысхъæлвæрæз* – Сонт-Багъатыр «Гордый Вараз – ввавший в ярость» (или «безрассудный»). Принадлежат к роду Ахсартаггата, женат на дочери Уырызмага и Сатаны. Как и другие двойники этого сюжета обладает чудесным панцирем, не пробиваемым обычной стрелой (НК, Т. I, с. 203, с. 438–440). Это сказание было записано Г. Дзагурти в начале 20-х годов XX в.

И, наконец, в литературной обработке нартовских сказаний Ал. Кубалова встречается еще одно имя с определением «гордый». Это – «Ахсартаков Скалбицо», нарт из рода Ахсартаггата, засватавший дочь Уырызмага и убитый Хамицевой стрелой при попытке примирить «два рода» (Кубалов, 1978, с. 142, 143). В этом имени также легко распознается определение Скал «Гордый» (осет. *схъæл*), как у других вышеприведенных имен с этим определением. Говоря о значении литературной обработки нартовских сказаний Ал. Кубалова, опубликованных в 20-х годах XX в., с примечаниями и комментариями автора, следует отметить, что в нее вошли около 40 сюжетов, хорошо известных из последующих публикаций.

Вряд ли эту работу можно квалифицировать, как перевод «нескольких сюжетов из нартовского эпоса» (...æмдзæвгæтæй рацæрæзтæ нарты эпосæй цалдæр сюжеты), как это делает редактор его «Сочинений» (с. 4). Дело не только в том, что в нее вошли сюжеты нартовских сказаний осетин, начиная с происхождения рода Ахсартаггата (Ахсар, Ахсартаг и Дзерасса) и заканчивая убийством Бальсаговых колесом Созырыко (Сослана), т.е. практически от начала нартов до их гибели. Не менее важным является и то что эти сюжеты наглядно продемонстрировали степень распространения и богатство сюжетов осетинского нартовского эпоса на самых ранних стадиях их публикаций.

Сравнение вышеприведенных нартовских имен с эпитетом *схъæл* «гордый» дает возможность выявить ряд весьма показательных фактов. Во-первых, все носители имен с рассматриваемым определением встречаются только в сказаниях весьма популярного в нартовском эпосе осетин сюжета о борьбе двух ведущих нартовских фамилий (родов) Ахсартаггата (нарты) и Бората. При этом все они принадлежат к Ахсартаггата, причем Схъæл-Бицо, Схъæл-Бесон, Схъæл-Вæрæз и Схъæл-Вæрæз Сонт-Бæгъæтыр в указанных в сказаниях выступают в роли зятей Уырызмага и погибают от его стрелы. И только у Ал. Кубалова Скал-Бесон «падает от Хамицевой стрелы». Таким образом получается, что все носители определения «гордый» в вышеуказанных сказаниях фактически принадлежат одному и тому же лицу, женатому на дочери Уырызмага, о которой другим сказаниям ровным образом ничего не известно.

Таким образом, вышеприведенный материал, на наш взгляд, ясно свидетельствует о том, что у нартовских сказаний осетин эпитет *схъæл* (*s æl*) «гордый» является и выступает в роли своего рода определителя исключительно собственных имен членов ведущего или «царского» рода нартовского социума. Обращает на себя внимание, что во всех вариантах рассматриваемого сказания о борьбе двух нартовских фамилий ее носители этого эпитета являются зятьями Уырызмага. При этом, один из них, Схъæл-Бесон, имя которого встречается только в записанном по-русски сказании, характеризуется как «лучший во всей фамилии Ахсартаггата» (НК, Т. I, 2013, с. 515). Судя по всему, эпитет «лучший», в данном случае является, по всей видимости, переводом осетинского «хуыздар» «лучший».

В текстах осетинских нартовских сказаний довольно часто встречаются такие выражения, как *нарты хæртæ* «лучшие нарты», *нарты хуарз лæгтæ* (дигорское) «лучшие мужи нартов», *нарты хорз адæм* «лучшие люди нартов», *нарти дзæбæхтæ* (дигорское) «лучшие нарты», «*Нарти номдзыд лæгтæ*» «именитые мужи нартов», *Нарты хистæртæ* «старшие (по положению) нарты; *нарти хистæртæ, сæ лæгтæ-лæгтæ* (дигорское) «старшие нарты (по положению), их выдающиеся мужи» и т.д. (НК, Т. 4, с. 20, 41, 59, 63, 66, 112, 115).

Однако взятое в отдельности это определение в форме хуыздар «лучший» в тех же текстах также встречается, но крайне редко. Так, в сказании «Как нарты выявляли лучшего среди них» говорится, что, желая выявить «лучшего» среди них, они хитростью заставили прорицательницу Хъæрмагон ответить на их вопрос. Ответ был таков: «Лучшим среди вас является Уырызмаг» (НК, Т. 1, с. 190). Такое же ответ получают нарты и в ответ на вопрос, кто из них является «храбрейшим и сильнейшим» (дигор. «бæгъатæрбел» в сказании «Нартов Орæзмег» (НК, Т. 1, с. 456–457). Концентрированное выражение идеи о главенствующей роли Уырызмага в нартовском обществе, красной ни-

тью проходящей по всему циклу Нартиады, являются слова о том, что «когда зародилось общество нартов, то их «первым главой и старшим был старый» Уырызмаг» («Поход Уырызмага», НК, Т. 1, с. 461).

В то же время оно встречается как часть составного слова-определения в одном из вариантов того же цикла о взаимоотношениях Сырдона с нартовской верхушкой. В сказании «Поход Сырдона и Нартов» говорится: «Лучшие и наиболее прославленные нарты шли в поход (Нартæ лæгхуыздæр, лæг-разагъддæрæй цыдысты балцы (НК, Т. 4, с. 125). Речь и в данном случае идет о верхушке Ахсартаггата.

Как показывает вышеприведенный материал, нарт *Скал-Бесон* «гордый Бесон», лишь один раз, упоминаемый в сказании, в том же сказании характеризуется как «лучший во всей фамилии Ахсартаггата» (НК, Т. 1, с. 515). Это дает основание полагать, что эпитет *схъæл* (*s æl*) «гордый» по своему происхождению, характеру его упоминания и семантики в нартовских сказаниях явно напоминает своего рода почетный «царский» титул главы ведущего рода нартов и, соответственно, главы нартов в целом. Об исключительном характере этого определения, как мне представляется, ясно свидетельствует и то, что в нартовских сказаниях осетин, последнее издание которых составило семь полновесных томов, термин *схъæл* встречается только *четыре* раза, причем во всех указанных случаях носитель этого определения принадлежит к роду Ахсартаггата.

При этом, в двух случаях это определение фактически прилагается к одному и тому же имени, которое в оригинале звучит как Схъæл-Вæрæз. Однако в соответствующих текстах это имя в одном случае приведено в форме *Ысхъæлвæрæз* (НК, Т. 1, с. 438–440), а в другом – *Æсхъæлвæрæз* (НК, Т. 1, с. 479), хотя в обоих случаях этими именами назван зять Уырызмага, каковым в записи Г. Шанаева предстает также Схъæл-Бесон (НК, Т. 1, с. 510), а у Ал. Кубалты – Ахсартагов Скал-Бицо (с. 142). Таким образом, зафиксированное в нартовских сказаниях осетин лишь четыре случая употребления термина «гордый» в сложных (составных) именах эпоса, фактически сводятся лишь к трем. Это четко подтверждается тем фактом, что имена *Ысхъæлвæрæз* и *Æсхъæлвæрæз* фактически представляют собой лишь незначительно отличающиеся друг от друга даже не варианты, а лишь варианты одного и того же имени. Расхождение между начальными слабыми гласными *æ* и *ы*, ввиду не устоявшейся орфографии осетинского литературного языка, передается по-разному, а на письме этот гласный обозначается не всегда (АБАЕВ, 1962, с. 405–406; ИЭС, III, с. 141, 148–149). Именно такое положение мы и имели в виду в данном случае.

Следовательно, на основании вышеприведенных данных вывод о том, что в основе вариантов имени «зять Уырызмага» лежит номинация

Схъæл-Вæраз (Sgæl-Væraz), «гордый Вараз» напрашивается сам собой. Однако значение этого имени заключается не только в факте его принадлежности к элитарным нартовским именам с эпитетом «гордый», но и значением основы этого составного имени *Вæраз*. В осетинском оно документируется только как личное имя, в основе которого лежит иранское название «кабана» *wagaz*, производным от которого является и имя «главы» нартов, Уырызмага. (АБАЕВ, ИЭС, IV, с. 89, 127). Реальность этой этимологии косвенно подтверждается и данными нартовского эпоса. Так, в одном из вариантов сюжета о попытке убийства Уырызмага на пиру у Бората глава нартов иносказательно называется «кабаном», готовым к закланию.

Как отмечает В. И. Абаев, имя *Вараз* (с вариантами) было весьма популярно в иранской антропонимии, как в собственных именах, так и в фамильных. Так, это название носила одна из знатнейших фамилий при Сасанидах. Часто служила при этом в качестве апеллятива (ИЭС, IV, с. 89). Именно в этом качестве она довольно часто встречается как среди имен картлийских царей сасанидского происхождения, так и представителей высшей знати (КЦ, I, с. 403) в раннем средневековье.

На этом фоне, наличие в нартовских сказаниях осетин составного имени *Схъæл-Вæраз*, основа которого зафиксирована в двух вариантах (*Æсхъæл* и *Ысхъæл*) представляет особый интерес. Во-первых, эпитет «гордый» (*æсхъæл*) в этом имени семантически равноценен понятию правителя, своего рода «царя» и, в конечном счете, главы нартов, в качестве которого представлен Уырызмаг в нартовских сказаниях осетин. Следовательно, основа этого имени, *Вæраз*, представляет собой, судя по всему, первоначальную, исконную форму имени *Уырызмаг*, подтверждая тем самым как предложенную В.И. Абаевым этимологию этого имени, так и его элитарный характер.

Во-вторых, обращает на себя внимание крайне ограниченный характер использования элитарного определения *схъæл* в нартовских именах (всего три случая) и только в именах ведущих представителей правящего рода Ахсартаггата. Это особенно ярко бросается в глаза на фоне употребления другого социального эпитета, а именно – «нарты хъалтæ», применительно ко всем представителям правящего рода Ахсартаггата. Замена этого термина другими номинациями аналогичного характера, эпизодически встречающимися в сказаниях – *не'лдæрттæ* «наши князья», *уæздæттæ* «благородные», *хистæртæ* «старейшины», *æхсины лæгтæ* «правлящие мужи», *богалтæ* «богатыри» и т.д. лишь подтверждают бросающееся в глаза различие между характером употребления в эпосе двух наиболее значительных социальных эпитетов – *схъæл* «гордый» и «нарты хъалтæ» и «нартовские гордецы».

Судя по всему, данное обстоятельство свидетельствует о том, что в нартовском эпосе осетин четко прослеживается идея о том, что среди представителей правящего рода, как правило, – Ахсартаггата, существовали две группы, различающиеся по своему социальному статусу. Представители первой из этих групп, составлявших подавляющее большинство правящего рода или группы, были известны под названием *нарты хьалтæ* «нартовские гордецы». В некоторых сказаниях это почетное наименование могла распространяться на всех нартов – Ахсартаггата в целом.

Наряду с этим, в тех же сказаниях четко выделяется еще одна группа среди Ахсартаггата, своего рода элита среди нартовской элиты. Представители этой группы, крайне незначительные по сравнению с общей массой Ахсартаггата, выделяются своими составными именами, общим эпитетом которых служит термин *схьæл* «гордый». В нартовских сказаниях фиксирует с всего лишь три персонажа, в состав собственных имен которых входит данный эпитет. Этими персонажами являются Схьæл-Бесон, Схьæл-Бицо и Схьæл-Вæрæз.

Здесь естественно напрашивается вопрос о взаимосвязи и различиях этих фонетически и семантически близких друг другу социальных терминов нартовского эпоса, имеющих четкую смысловую нагрузку. В первом случае, эпитет «хьалтæ», всегда используемый в близком сочетании «нарты хьалтæ «нартовские гордецы», служит обозначением представителей правящего рода (фамилии) Ахсартаггата в массе. Во втором, термин *схьæл*, используемый только в единственном числе, является уже персонифицированным обозначением тех же представителей правящего рода, но уже в крайне ограниченном числе.

Казалось бы, следуя законам формальной логики и самой грамматики, в единственном числе слово «хьалтæ» должно было звучать «хьал», одним из многочисленных значений которого является и прилагательное «гордый» (Абаев, ИЭС, II, с. 257). Однако, как производное от *нарты хьалтæ* «нартовские гордецы», форма *хьал* в нартовских сказаниях нигде не фиксируется, вместо этого в соответствующих местах всегда фигурирует определение «схьæл». Вышеприведенные данные нартовских сказаний дают хорошую возможность определить с чем это связано. Не подлежит сомнению, что это является следствием более высокого «статусного положения определения «схьæл» по сравнению с «хьал». Исходя из этого можно утверждать, что именно социальное звучание разбираемых определений сыграло в данном случае решающую роль.

Последнее, как известно, наряду со значением «гордый», имеет и другое, более «приземленное» значение, а именно – «бодрствующий», резко отличающееся от семантики близких друг другу определений «хьалтæ» и «схьæл» со значением – *гордый*. Во всяком случае, не подлежит никакому

сомнению, что именно термины *нарты хьалтæ* и *схъæл* представляли собой высшие социальные номинации в иерархической структуре общества нартов и их правящего рода, в первую очередь. Как своеобразное, в данном случае фольклорно-эпическое отображение реальной социальной структуры создателей эпоса и, прежде всего первоначального ядра Нартиады. Таковым, как свидетельствует сравнительно-историческое изучение национальных версий эпоса, предстает скифо-сармато-аланский мир.

Исходя из данного тезиса, нартовские социальные термины «нарты хьалтæ» и «схъæл» должны по идее служить эпическим отображением социальной структуры скифо-аланского мира и его иерархической лестницы. На этом фоне, сравнение между собой терминов *нарты хьалтæ* «нартовские гордецы» и *схъæл* «гордый» закономерно приводит к заключению о том, что определение «гордый», в данной связке является явно превалирующим. Его значение в составных именах нартовской элиты и крайне ограниченный характер его упоминания в сказаниях, не оставляют практически никаких сомнений в том, что он является высшим социально-политическим и военным термином в иерархической структуре нартов.

Другими словами, определение «гордый» в собственных именах представителей высшей нартовской элиты было равноценно своего рода «царскому» титулу нартов, показателем того, что носитель такого имени является «главой нартов». Это, в частности, четко прослеживается в имени *Схъæл-Ваерæз*, встречающемся в двух сказаниях и являющимся фактически несколько видоизмененным вариантом имени Уырызмага. Основу же этого имени как раз и составляет древнеиранское название «кабана» *Varaza*, – закономерно получившего в осетинском форму *væræz* (АБАЕВ, ИЭС, IV, с. 89, 127).

Столь наглядное проявление семантики терминов *схъæл* и *нарты хьалтæ*, практически без каких-либо особых предположений, вполне допустимой в подобных случаях, вызывает целый ряд вопросов. Первый и главный из них заключается, на наш взгляд, в том, отражает ли рассматриваемая в настоящей статье социальная терминология нартовского эпоса и стоящая за ней социальная структура общества нартов аналогичны номинации и социальную структуру создателей эпоса. Вопрос этот тем более актуален, что проблема отражения в нартовском эпосе «древнего быта и мировоззрения» его создателей (В. И. Абаев), с одной стороны, и скифо-аланская основа историко-этнографического и ономастического материала Нартиады с другой, уже давно поставленная в науке, является наиболее аргументированной.

Исходя из этого, сравнение социальной структуры нартовского социума и особенно ее терминологии с аналогичными показателями скифского общества, играет своего рода роль лакмусовой бумажки. Именно такое

сравнение, на наш взгляд, должно стать одним из решающих аргументов «за» или «против» скифо-аланской основы историко-этнографического пласта нартовского эпоса и соответственно этнической принадлежности, создателей его первоначального ядра.

Сравнительный анализ двух, если и не важнейших, то в любом случае весьма существенных компонентов социальной структуры и ее терминологии у скифов и в нартовском эпосе приводит к весьма впечатляющим и показательным выводам. Во-первых, сразу же бросается в глаза поразительная близость между высшим социальным термином (титолом) нартов *схъæл* «гордый» и царскими именами скифов, известных из античных источников. Таковыми являются Скил, Скилур, Сколопит (Сколпетий), упоминаемые Геродотом, Страбонам, Помпеем, Трогом и Павлом Оросием, время жизни которых охватывает почти целое тысячелетие, V в. до – V в.н.э. К этой категории имен возможно следует отнести и имя Скопасила, упоминаемого Геродотом в числе трех скифских царей во время вторжения Дария в Скифию в конце VI в. до н.э. (IV, 120). То, что количество царских имен скифов, в которых присутствует разбираемый корень, практически совпадает с количеством нартовских имен с эпитетом «гордый», можно, конечно, считать случайным совпадением.

Но это далеко не единственная параллель. Столь же показательна и практически почти стопроцентная фонетическая близость между осет. *схъæл* и корнем самоназвания скифов *сколотой* (сколоты), известного только из одного варианта скифской этногонической легенды, зафиксированного Геродотом у черноморских скифов и только им упоминаемого (IV, 6). Разница между ними заключается лишь в том, что самоназвание скифов Геродот приводит во множественном числе, снабжая его окончанием скифо-осетинским показателем – множественности *-тæ* (*-той*), тогда как царские имена скифов приводятся естественно только в единственном числе.

Получается, что бросающаяся в глаза разница между высшими социальными терминами нартов *схъæл* и *хъалтæ*, в обоих случаях означающих «гордецы», в первом случае – в единственном числе и во втором – во множественном, практически идентичны аналогичному делению у скифов. И здесь самоназвание скифов «сколоты», полученное им от имени «царя», отличается от корневой основы *скил/скол* скифских царских имен, приведенных выше, только своим показателем множественности *-тæ* (*-тай*). Столь поразительная близость социальной структуры нартов и ее номинаций с аналогичной скифской структурой подтверждается, прежде всего, высказанной выше идеей роли этих компонентов в качестве своего рода «лакмусовых бумажек», определяющих их этническую принадлежность и взаимосвязь. Априори такое сходство, учитывая многочисленные скифо-

осетинские этнографические, в широком смысле этого термина, языковые, в том числе фразеологизмы, и даже археологические схождения или параллели, хронологические рамки которых составляют не менее двух – двух с половиной тысяч лет, вряд ли должно особо удивлять. Оно, можно сказать, лежит буквально на поверхности.

Однако, отдельные детали этой парадигмы, не ставящие под сомнение как ее целостность, так и аутентичность, требуют все же, определенных уточнений и дополнительной аргументации. Это связано как с состоянием их источниковедческой базы, так и заметным расхождением мнений по этим вопросам, вызванной именно обоснованностью выдвигаемых гипотез, т.н. в конечном счете – состоянием источников и их объективной интерпретации. Данное обстоятельство касается в первую очередь соотношения между самоназванием скифов «сколоты» и именем царя Колаксия.

Этот вопрос является, пожалуй, одним из самых дискуссионных в современной скифологии. Основным в этом споре является отсутствие стопроцентной аутентичности между корневыми составляющими имени царя скифов *Кол(а)* – и их самоназванием *скол*. Одним из решающих факторов для решения этого вопроса является четкое указание обеих версий и их вариантов скифской этногонической легенды (Гер., IV, 6; Диодор, 43, 3) о том, что скифы получили свое этническое название от имени их первого царя, младшего сына их родоначальника Таргитая, скифского варианта легенды или же от сына Зевса или Геракла и «рожденной землей девы» по имени Скиф кавказской версии Диодора, и греческого варианта у Геродота. Именно Скиф «назвал народ по своему имени скифами».

Таким образом, сравнительный анализ кавказской и северно-причерноморской версий скифской этногонической легенды и вариантов последней дает хорошую возможность для постулирования нижеследующих выводов. Во-первых, скифы получили свое этническое название от имени царя. Во-вторых, этот царь был младшим из трех сыновей легендарного первопредка черноморских скифов – Таргитая скифского варианта и Геракл греческого. В-третьих, имя этого царя, исходя из приоритета в данном вопросе, естественно скифского варианта легенды, было Колаксай. Как пишет Геродот, от Колаксия произошли «цари, которые именуются паралатами. Все вместе они называются сколотами по имени царя; скифами же их называли эллины (IV, 6).

Данный отрывок Геродота вызывает много разногласий среди исследователей, ввиду различных интерпретаций отдельных терминов и сочетаний, его составляющих. Особенно большие споры вызывает небольшое различие между именем Колаксия и сколотов, заключающиеся в отсутствии в начале имени царя греческой сигмы (с). На этом основании некоторые

авторы считают, что в анализируемом тексте возможно отсутствует упоминание царя Сколота, от имени которого и получили свое название сколоты. Этот вопрос подробно рассматривается в работе «Народы нашей страны в Истории Геродота» (М., 1982, с. 209–210).

Думается, однако, что в свете вышеприведенных примеров из социальной терминологии осетинского нартовского эпоса, в допущениях и серьезных коррективах в разбираемом тексте Геродота нет особой необходимости. «Нет необходимости» потому, что небольшое различие между корневыми основами имени царя *Колакся* и этнонимом *сколотов* приблизительно такое же, как между терминами *хьалтæ*, *схьæл нартовского* эпоса. Действительно, как уже отмечалось выше, если термином *хьалтæ* (нарты хьалтæ «нартовские гордецы») называли всех представителей рода Ахсартæггатаæ, то *схьæлами* (в единственном числе) – именовались лишь немногие представители этого рода. При этом данный термин представлял собой общее определение к именам тех представителей правящего рода, которые олицетворяли собой высшую прослойку ведущего клана нартов, т.е. своего рода его «царскую» прослойку. Принимая во внимание, что в осетинском определении *схьæл* и *хьал* семантически идентичны, означая одно и то же понятие, не исключено, что аналогичное положение существовало и в скифском. Во всяком случае, вышеприведенные примеры этому выводу явно не противоречат.

Для исследования социальной структуры нартовского общества важное значение имеет собственное имя *Вæрæз* с апеллативом *схьæл*, встречающимся в двух вариантах одного и того же сказания, о борьбе между нартами (Ахсартæггатаæ) и Боратаæ. Носитель этого имени, как и Схьæл-Бесон и Схьæл-Бицо, является зятем Уырызмага. Появление имени *Вæрæз* в числе немногих носителей термина *схьæл* рода Ахсартæггатаæ весьма показательно. Во-первых, это обстоятельство во многом проясняет характер социальной структуры нартовского общества как фольклорное отражение аналогичной структуры скифского общества, зафиксированное скифским вариантом черноморской версии легенды о происхождении скифов. Во-вторых, этимология этого имени фактически предрешает и вопрос о семантике терминов *скол-* в этнониме сколотов и корня *скил* (скол) в именах скифских царей, практически стопроцентно калькирующих осетинское *схьæл* «гордый». Это определение сохранилось в нартовском эпосе осетин, как в приведенной полной форме, так и в усеченной хьалтæ, но во множественном числе.

Столь явно бросающаяся в глаза поразительная близость между социальными и этническими названиями скифов и осетин, хронологически отстоящими друг от друга не менее двух с половиной тысяч лет, вряд ли должно особенно удивлять. Практически аналогичное положение четко

прослеживается в собственных именах (Зарина, Скунха, Саулак), отдельных терминах: акинак – *акæнæг* «сокрушающий [меч], племенных названий – меланхлены – *саударатæ* (одетые в черное), *саранары* – головорезы, аротерос «землепашцы» – *хаумаварга* «пашню кладящие», топо- и гидронимике. К ним же можно приплюсовать десятки этнографических и фразеологических скифо-осетинских параллелей (схождений), каждая из которых насчитывает не менее 2-2,5 тысяч лет.

На этом фоне удивительным явилось бы скорее отсутствие каких-либо скифско-нартвовских параллелей, сюжетных и ономастических, поскольку именно скифский элемент лежит в основе кавказского эпоса о нартах. И одним из наглядных проявлений этого является семантическая и фонетическая близость между социальной терминологией скифов и нартов, отмеченная выше. В этом отношении весьма показательны происхождение, значение и функционирование рассматриваемого этого имени в нартвовском эпосе, с одной стороны, и его параллели, и параллельные имена в иранском мире, с другой.

Как отмечает В. И. Абаев, осетинское *wægaz*, *woraz* «документируется только как личное имя» (ИЭС, IV, с. 89). Восходящее к иранскому названию кабана, это имя было очень популярно в древней и средневековой антропонимии, причем преимущественно в элитарных фамильных названиях и собственных именах. Так Моисей Хоренский в своей «Истории Армении» упоминает среди армянских Аршакидов (Аршакуни), династии скифо-аланского происхождения, Вараза и Вараздата (II, 63; III, 40).

Семантика имени *Вараз*, как одного из высших социальных терминов нартвовского эпоса, особенно четко прослеживается на примере царских имен и представителей высшей знати Картлийского (Иберийского) царства. Это явление связано в первую очередь с принадлежностью царствующих династий страны в эпоху античности и раннего средневековья, Аршакидов и Сасанидов соответственно, к фамилиям скифо-аланского происхождения или близких к ним этнически. Это название, к примеру, свыше десяти раз встречается в перечне картлийских царей и представителей высшей знати в раннем средневековье. (КЦ, I, с. 403).

Это такие имена, как Вараз-Бакур (3 раза) и Вараз-Бакур, в которых термин «Вараз» скорее всего служит определением к собственному имени. Это, далее Вараз-Михр, где «Михр» – название одной из знатнейших фамилий сасанидского Ирана. Аналогичное имя носил и брат воспитателя царя Вахтанга Горгасала (КЦ, I, с. 172). К этой же категории имен относятся такие, как Вараз-Варди, как звали одного из первых картлийских Багратидов, Вараз-Григола (или «Гагели»), картлийского эристава и ряд других. Обращает на себя внимание, что в этом же перечне встречается и имя «Варзман»

или «Варазман», как звали одного из родственников Вахтанга Горгасала по материнской линии (КЦ, Т. I, с. 242).

Значение данного имени для рассматриваемого вопроса заключается в том, что по своей структуре оно является переходным от более ранних форм этого имени к более поздним. Так, по сведениям античных авторов (Арриан, Корнелий Тацит, Дион Кассий), в форме «фарасман» оно встречается в именах нескольких иберийских царей первых веков н.э. В грузинском, ввиду отсутствия в нем буквы ф, это имя закономерно получило форму Пфарсман.

Именно в такой форме это элитарное имя было широко распространено среди Аршакидов «первых Сасанидов Картлийского царства». (КЦ, I, с. 242; Андроникашвили, 1966, с. 502–504). Закономерность указанного перехода в грузинском можно подтвердить и скифо-осетинском именем первого картлийского царя Фарнаваза, получившем в грузинском форму Пфарнаваз. То, что грузинское «Пфарсман» восходит к иранскому этимону «Варазман» хорошо видно и из варианта этого имени «Пфарзман – Парух» (КЦ, I, с. 152, 423–424), в котором еще сохраняется традиционное «з», перешедшее в грузинское «с».

Сравнительный анализ имен Варзман, Варазман, Фарсман, Фарасман наглядно показывает, что несмотря на незначительные фонетические расхождения в этих именах (з-с, в-ф), основу их составляет *Warazman*. К этому же этимону восходит осетинское *Уырызмаг*, в котором окончание *-ан* со временем было вытеснено характерным для осетинского *-æг*, к которому восходят и все варианты этого имени в национальных версиях Нартиады (Гаглойти, 1965, с. 99, Абаев. ИЭС, IV, с. 127). Корнем же всех этих форм и вариантов является иранское название «кабана», со временем превратившееся в важный социальный термин.

Столь широкое распространение термина *вараз* в собственных именах царских династий Аршакидов и сменивших их Сасанидов четко прослеживается в качестве их корневой основы или в виде апеллатива, как в имени Вараз-Бакур, нескольких сасанидских правителей и высших сановников Картлийского царства. Из этого следует, что рассматриваемый корень мог служить или синонимом царского титула или в качестве его апеллатива, в зависимости, очевидно, от времени бытования таких имен и характера социальной терминологии, им сопутствовавшей.

В осетинском, как в языке, так и в нартовских сказаниях этот термин в качестве апеллатива уже не прослеживается, поскольку он уже видимо давно лег в основу имени Уырызмага, «бесменного» главы нартов. Переходная форма к этому имени с окончанием *-ман*, «Урузман», также существовала в осетинском, как это видно из восходящей к осетинскому имени Варазман, Урузман нарто-орстхойской ономастики (Гаглойти, 1989, с. 99;

АБАЕВ. ИЭС, IV, с. 89). Что же касается имени *уарæз*, два раза упоминаемого в нартовских сказаниях осетин с апеллативом *схъæл* «гордый», то в свете вышеприведенных параллелей иранских династических имен, то оно вне всякого сомнения было воспринято в качестве синонима «царя».

Через промежуточную форму Варазман (Урузман), оно закономерно трансформировалось в Уырызмаг (Урузмаг, Орæзмаг), закрепившееся за носителем этого имени почетное название «главы нартов» (*нарты хистæр*) отражало, несомненно, некогда существовавшую реальную семантику основы этого имени как синонима царского титула у создателей нартовского эпоса скифов и сармато-алан. В свете этих данных высказанное выше предположение, о семантике термина *схъæл* «гордый» как апеллатива к «царскому» титулу *уарæз* нартовских сказаний или к имени носителя подобного титула получает наглядное подтверждение, равно как и практически стопроцентная идентичность осетинского *схъæл* «гордый» с корневой основой самоназвания скифов «сколоты».

Явно бросающаяся в глаза близость социальной структуры скифов и нартов, ономастики этой структуры и вытекающая из этого четкая осетинская этимология самоназвания скифов «сколоты» находит подтверждение не только по данным осетинского нартовского эпоса. Существуют и другие не менее впечатляющие данные, прямого отношения к нартовским сказаниям не имеющих, равно как и к осетинскому фольклору в целом. Речь в данном случае идет об одном социальном термине в балкарском, фонетически и семантически идентичного как самоназванию скифов «сколоты», так и осетинскому *ысхъæлтæ* «гордецы», предложенного нами в качестве этимона самоназвания скифов.

Этим термином является балкарское *исхылты*, как «балкарцы» называли свое привилегированное сословие... В форме Исхылты *тюз* «долина Исхылты» этот термин зафиксирован в топонимике Балкарии на правом берегу р. Черек» (БТС, с. 150). В специальной литературе этот термин впервые был зафиксирован, видимо, Ф. И. Лентовичем в его «Адатах кавказских горцев». Говоря об адатах балкарцев и карачаевцев, он называет «четыре фамилии балкарских старейшин, иначе называемых *секелтъ* или *басият* (т. 1, 1883, с. 274, 279). Известно, что в эпоху феодализма привилегированное сословие балкарских обществ носило название *таубиев* (тюрское «горские князья) или *басиатов*. Сопоставляя между собой эти данные, нетрудно догадаться, что зафиксированный Ф.И. Лентовичем в качестве одного из названий высшей балкарской знати термин *секелт* является лишь несколько видоизмененной формой исходного исхылты, вполне понятное в устах автора не очень владевшего балкаро-карачаевским.

Четко зафиксированный в топонимике Балкарии, термин *исхылты* представляет собой практически стопроцентную параллель осетинскому

ысхъæлтæ «гордец». Об этом явно свидетельствуют такие факты, как наличие в обоих названиях начального гласного и(ы) – граничащая с идентичностью близость их корневых основ *схъæл схыл* и, наконец, осетинский показатель множественности *тæ(ты)* в окончании, в балкарском, возможно, даже в родительном падеже. Все эти явно бросающиеся в глаза совпадения которые естественно не могут быть случайными, дают полное основание утверждать, что балкарский социальный термин *исхылты*, как и его осетинский первоисточник, означал не что иное, как осетинское *ысхъæлтæ* «гордецы».

Отсутствие рассматриваемого социального термина в тюркоязычном мире, исключает естественно балкарский, его нет даже в большом «Карачаево-балкарско-русском словаре (М., 1989 г.), в котором содержится около 30 тыс. слов. Если к этому добавить его полное совпадение с аналогичным осетинским термином, то сам собой напрашивается вполне закономерный вывод о том, что социальный термин *исхылты* является наследием осетинского (аланского) субстрата в балкарском. Этот субстрат в балкарском впервые отмеченный В.с. Миллером, в отличие от предполагаемого субстрата в осетинском, фактически так и нашедшего своего подтверждения (Абаев, 1967, с.314), можно сказать, лежит буквально на поверхности и виден даже не вооруженным глазом.

Достаточно сказать, что еще в начале XIX в. в донесениях офицеров генерального штаба России, носивших разведывательный характер, жители балкарских обществ именуется «осетинами». Так же именуется они и в адатах тесно связанных с Балкарией кабардинских феодалов (Ш. Б. Ногма). А Вахушти Багратиони, чей труд был завершён в 1745 г. однозначно относит Балкарию (Васиани) и ее жителей к овсам, т.е. осетинам (КЦ, IV, с. 633–634). Вот что говорится по данному вопросу в записи показаний одного кумыкского и двух кабардинских князей, в коллегии (министерства) иностранных дел. В этом документе, датированном 1734 г. сообщается, что между обитающим в кабанских вершинах народом карачай, имеющим татарский язык, и волостью Чечем (т.е. Чечемским ущельем), *где в употреблении особый язык* (выдел. нами – Ю. Г.), но они употребляют и татарский, расположены сваны.

Поскольку под «татарским» здесь явно подразумевается тюркоязычный балкаро-карачаевский, то нетрудно догадаться, что под «особым языком» жителей Чечемского ущелья в данном случае мог быть только осетинский. Следовательно, еще в середине XVIII в. жители Чечемского ущелья сохраняли свой «особый», т.е. осетинский язык, что ясно указывает на двуязычие коренного алано-асского населения и незавершенность процесса его ассимиляции к этому периоду. Судя по вышеприведенным данным,

процесс тюркизации алан (осетин) в Балкарии был завершён лишь на рубеже XVIII–XIX вв.

Окончательную ясность в проблему осетинской этимологии самоназвания скифов «сколоты» вносит, как мне представляется, одно осетинское генеалогическое предание, записанное в Южной Осетии. Это предание носящее весьма характерное название «*Гуацъатæ æмæ Схъæлатæ*», в котором вторая фамилия означает не что иное, как «Гордецовы» от ее родоначальника *Схъæла* «Гордеца» или «Гордого. Предание было записано в Чеселтском ущелье, одним из древнейших территориальных подразделений южных осетин и опубликовано в книге «Осетинские предания» Дм. Бязрова в 1966 г.

В этом предании говорится о происхождении и взаимоотношениях двух фамилий, принадлежащих к роду Багатæ (Багаевых и имевших общего предка. Этими фамилиями были *Схъæлатæ* (Скалатовы) и *Гуацъатæ* (Гуатцаевы), поучивших свои названия по имени двух братьев родоначальников. Одним из них был *Схъæл*, имя которого означало «гордый». Когда братья разделились (*зынгхицæн куы фæсты*), и каждый из них стал обустраиваться отдельно, то это сказалось на их взаимоотношениях. «Сыновья двух братьев перестали правильно воспринимать друг друга».

После раздела потомство *Схъæла* (Гордеца) заметно увеличилось, поскольку у его сына *Дзебыса* родилось четыре сына, столь же драчливых и бедовых, как их отец. В ту пору богатый мужами человек был смел и уверен в своих силах. «Благодаря своему мужскому составу («табуну»), *Схъæлатæ* действительно были горды (*схъæл*) и склонны к насилию». В отличие от них *Гуацъатæ* не очень были склонны к агрессии, хотя их трудно было упрекнуть в отсутствии доблести. Они были трудолюбивы, хлебосольны и «любимы народом» (*Ирон таурæгътæ*, 142–143).

Вышеприведенный материал наглядно свидетельствует, что в своих генеалогических преданиях осетинский фольклор сохранил в своей памяти существование в Южной Осетии фамилии со значением «Гордецовы», родоначальник которой носил имя «Гордец» (*Схъæл*). При этом в ареале своего обитания в рамках одного ущелья эта фамилия объективно выполняла функции своего рода правящей прослойки, сила и вес которой определялись преимущественно превосходством ее мужского состава. В этом отношении чеселтские «Гордецовы (*Схъæлатæ*)» во главе со «*Схъæлом*» «Гордым» как-бы калькировали и повторяли в миниатюре нартовских *хъалов* *схъæлов* и скифских *сколотов*.

Основываясь на вышеизложенном, не стану категорически утверждать, что осетинское фамильное название *Схъæлатæ*, генетически непосредственно связано с самоназванием скифов «сколоты». Но в то же время нельзя не отме-

тить, что в этнической культуре осетин практически в первозданном виде сохранились десятки и десятки скифских этнических и топонимических названий, собственных имен, гидронимов, скифо-осетинских фразеологизмов, этнографических параллелей, отдельных видов оружия и т.д., и т.п. При этом имеются ввиду исключительно такие параллели, хронологические рамки которых насчитывают не менее 2–2,5 тысяч лет, и для доказательства аутентичности которых нет никакой необходимости прибегать к каким-либо догадкам и предположениям, вполне допустимых в подобных случаях.

На этом фоне тезис о возможной генетической связи осетинских *Схъæлæтæ* со скифскими *сколотами* прежде всего не кажется чем-то из ряда вон выходящим явлением. Более того, он органично вписывается в перечень уже имеющихся и опубликованных в специальных работах бесспорных скифо-осетинских параллелей, сохранившихся в самых различных сферах этнической культуры осетин и насчитывающих не один десяток. В любом случае, наличие в нартовских сказаниях и генеалогических преданиях осетин социальных терминов и фамильных названий, в основе которых лежит понятие «гордости», совершенно очевидно. Именно указанные факты и определяют, в конечном счете, предложенную осетинскую этимологию самоназвания скифов. А то, что в этом отношении предки осетин не представляли собой исключения, можно видеть к примеру, по таким именам, как Тарквиний Гордый, последний царь древнего Рима.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Абаев В. И. Этногенез осетин по данным языка. Происхождение осетинского народа. Орджоникидзе, 1967 г.
2. Гаглойты Ю. С. Аланы и скифо-сарматские племена северного Причерноморья. Избранные труды. Цхинвал. Т. I. 2010 г.
3. ИЭС. Издательство Академии Наук СССР. Москва-Ленинград. Т. I. 1958 г.
4. ИЭС. Наука, Ленинградское отделение. Ленинград. Т. II. 1973 г.
5. ИЭС. Наука, Ленинградское отделение. Ленинград. Т. III. 1979 г.
6. ИЭС Наука, Ленинградское отделение. Ленинград. Т. IV. 1989 г.
7. Къубалты Алыксандр. Уацмыстæ. Чыныгуадзаен «ИР». Орджоникидзе, 1978 г.
8. Нарты Кадджытæ. Дзæуджыхъæу. «Ирыстон». Т. 1. 2003 аз.
9. Нарты Кадджытæ. Дзæуджыхъæу. Т. 2. 2004 аз.
10. Нарты Кадджытæ. Дзæуджыхъæу. Т. 3. 2005 аз.
11. Нарты Кадджытæ. Дзæуджыхъæу. Т. 4. 2007 аз.
12. Нарты Кадджытæ. Дзæуджыхъæу. Т. 5. 2010 аз.